

Т.Г.Нефедова

Путешествие по костромской земле

В 2006 году совместно с Ольгой Глезер мне удалось проехать от Костромы до восточных окраин области. Попробую посмотреть сторонним взглядом на этого типичного представителя российской провинции увидеть не только набившие оскомину кризисные приметы, но и новые позитивные явления.

Но вначале, как положено, немного истории. Кострома – почти ровесница Москвы, ее основание также связывают с именем Юрия Долгорукого. В своей истории она неразрывно связана с Москвой, не только как один из окраинных форпостов Московского государства, но и как наследственное владение московских князей. Экономический подъем города в 16-18 веках связан с ее положением на волжском торговом пути. Перенос столицы из Москвы в Петербург – это первая «подножка» ее торговому росту, который в 18 веке сменился промышленным, появились сначала суконные, потом льняные прядильные и ткацкие мануфактуры. Максимального расцвета фабричная индустрия достигла в конце 19 века. В то время Россия сосредотачивала 80% мировых посевов льна и 70% его сборов, причем треть всего российского льна в 1880-х гг. перерабатывалось в Костромской области. Но расцвет этот был временным. Себестоимость хлопчатобумажных тканей была ниже, технология проще. Но, главное, объемы производства льна и его качество, связанное с колоссальной трудоинтенсивностью, при уничтожении частного хозяйства и уменьшении населения в XX веке резко пошли на убыль.

Но дело не только во льне. В советское время помимо текстильной промышленности в городе быстро развивалось машиностроение, но и оно не очень-то помогло в новые времена. Географ А.И.Трейвиш выделяет кризисы системные, циклические и структурные. Системный кризис испытала вся наша экономика в связи с переходом от плана к рынку. Но разные регионы прошли его по-разному. Костромская область – тяжело. Ее промышленность с устаревшими предприятиями, неприоритетными отраслями экономики, отсутствием инвестиций, как и в некоторых соседних областях, прежде всего в Ивановской, и в позднесоветское время испытывала серьезный циклический и структурный кризисы, на которые и наложился современный системный. Так область оказалась частью депрессивной ложбины между Москвой, промышленными и портовыми городами Севера и Уралом.

Костромская область – не только провинция. Это и макрופериферия. Несколько утрируя, можно сказать, что здесь кончается «ойкумена», освоенное пространство, и начинается почти сплошная тайга. На немалой территории области городов маловато, да и слабоваты они. Кострома (276 тысяч жителей), находясь на окраине старопромышленного Центра, заметно уступает по населению столицам соседних регионов: Ярославлю (605

тысяч), Иваново (418 тысяч) и др. Из остальных городов области самый крупный – Шарья, который в 7 раз меньше Костромы. Местные города не только небольшие, что говорит само по себе о многом (в советское время, если город не рос, что-то было с ним не в порядке). Они заметно отстают от Костромы по многим формальным показателям, за исключением, пожалуй, Волгореченска – города энергетиков (Костромская ГРЭС), в котором и прежде уровень экономики и жизни населения были намного выше, чем в других областных центрах. Машиностроительные и текстильные предприятия, на которых держалась экономика Костромы, в новых условиях с большим трудом находят свои ниши, а большинство не находит их вовсе. Население вынуждено подрабатывать, как может: челночным бизнесом, извозом, отходом в другие города, в т.ч. Москву.

Бюджетный дефицит, бедность населения и просто разруха ощущаются сразу, как попадаешь в город. За 50 рублей тебя довезут в любой его конец по разбитым дорогам, глубокие ямы которых запомнились еще с начала 1990-х гг. Большинство старинных домов обветшало и требует ремонта. Спуск к Волге обустроен только на одной аллее, все остальные улицы и проходы завалены мусором, как и набережная Волги, к которой по несколько раз в летний день причаливают огромные белоснежные теплоходы с туристами. В середине июня в городе, кроме центральной клумбы, нигде не было цветов. Вместо них – в лучшем случае газон, чаще – сорная трава. А ведь для такого обустройства не надо много денег, скорее воля к действию.

Туристы, прибывающие в город на круизных судах на пару часов, видят огромную центральную круглую площадь, называемую в народе «сковородой», отреставрированные здания пожарной каланчи и гауптвахты, расходящиеся радиальные улицы со старинными домами. Местная молодежь «тусуется» тут же в парке между сохранившимися с 17 века каменными торговыми рядами, слегка подреставрированными и занятыми множеством частных магазинов. Можно еще съездить в знаменитый Ипатьевский монастырь – фамильную святыню династии Романовых, и заодно купить там льняные изделия, которыми издавна славилась Костромская область. Теперь их продают частники на лотках у монастыря, а полупустые текстильные гиганты из красного кирпича стоят напротив на другом берегу речки Кострома как памятники индустриальной эпохе.

Деревянной застройки в центре города все меньше. Ее активно выжигают (да, именно жгут), невзирая на архитектурные достоинства, что говорит о проникновении рыночных отношений и понимании ценности городской земли по-новорусски. На месте сгоревших домов вырастают шикарные особняки или частные магазинчики.

И все же по многим формальным показателям Кострома резко выделяется на фоне остальных городов области. Миграционный прирост в 2000-х гг. был самым устойчивым и

составлял в ней 4-8 человек на 1000 жителей, средние официальные зарплаты (не говоря уж о теневых доходах) вдвое превышали таковые в других городах, за исключением Волгореченска. Шло жилищное строительство, хотя и малыми темпами (0,25 кв. м на человека в год, но в периферийных городах – менее 0,1 кв.м). Безработица - самая низкая в области, а оборот розничной торговли на одного человека в два с лишним раза выше, чем в любом другом городе. А уж крупные сетевые магазины, появившиеся не так давно и блистающие чистотой и вакуумными упаковками, неотличимы от столичных. Так же как и многоэтажные супермаркеты – вкрапления иной жизни с красивыми упаковками косметики, импортной одеждой, кафе. Есть и нечто свое. Помимо льняных изделий, перешедших в частные лавочки для туристов, это фирменные продуктовые магазины, например «Шуваловские колбасы» – примета нового времени и становления местного агропромышленного комплекса.

От Костромы до самых до окраин

Покинем Кострому и посмотрим, как живет область, ведь именно она была целью нашего путешествия. Использую ту же систему группировки районов области по принципу удаленности от областной столицы (см. статью Т.Нефедовой в этом сборнике). Ближайший сосед, Костромской район, - это пригород. Затем идут соседи этого района, их можно назвать полупригородами. Далее - соседи 3 и 4 порядков – полупериферия и 5-6 порядков – периферия. И, наконец, на востоке – соседи 7-9 порядков - дальняя периферия, удаленная от Костромы более чем на 400 км, т.е. больше, сама Кострома удалена от Москвы.

Чем дальше от Костромы, тем меньше открытых пространств, тем сильнее «сжимает» дорогу лес. Напомню, что в пригороде плотность сельского населения составляет 22 человека на кв. км, в полупригороде она падает до 6 человек и далее - до 2-3. Половина всего сельскохозяйственного производства сосредоточено в небольшой зоне вокруг Костромы. На остальной территории бал правит лес, недаром покрытая лесами площадь занимает более 2/3 всей территории области. Но не только дарами леса сильна северная провинция. Есть здесь и очаги своего инновационного развития и «внешнего вброса», связанные с приходом инвесторов, привлекательностью ландшафтов для московских и питерских дачников, приездом мигрантов. Попробуем проехать по городам и весям от Костромы до восточных окраин области, пытаясь понять специфику их развития, увидеть перемены, которые привнесли 1990-е годы и новейшие приметы поиска своей ниши в экономике, социальной структуре и в необъятном российском пространстве. Выбора маршрута не было, поскольку с запада на восток область пересекают две дороги, сходящиеся в г. Мантурове: в центральной части – железная, а на юге – автомобильная, по которой мы и поехали.

Непотопляемые пригороды

Даже в этом северном регионе, выехав за пределы Костромы, сразу попадаешь, в царство сельского хозяйства. В 1990 г. сельскохозяйственные земли занимали более трети территории, почти четверть ее была распахана. Сейчас посевные площади сократились, но гораздо меньше, чем в других районах. Поля кажутся весьма ухоженными. Здесь не просто одни из самых сильных предприятий в области, некоторые из них уникальны даже на фоне России. Например, ЗАО Шувалово, которое гремело еще в 1980-х гг., как один из пионеров производства колбасы, не отходя от свинофермы. Его современными владельцами стали частники из Вологды, которые завалили мясной продукцией высокого качества всю Костромскую и соседние области, в т.ч. открыв в городах свои магазины. Племсовхоз Каравеево славился в советское время тем, что здесь вывели продуктивную костромскую породу коров. Они и сейчас дают в этом совхозе более 6 тысяч литров молока в год, что вполне соответствует европейскому уровню. Есть еще несколько сильных предприятий, а есть середняки и слабые. Последние, скорее всего, будут «проглочены» местными «акулами», которым не хватает земли. Например, то же Шувалово готово приобрести соседний совхоз, да еще прихватить земли в Галичском районе. Весьма любопытны суждения работников этого совхоза по поводу слияния: «Если бы Шувалово было государственным предприятием, тогда хорошо, но оно – частное, поэтому страшно, там слишком жесткая дисциплина». То есть хорошие менеджеры, которые начинают появляться и в сельском хозяйстве, вовсе не радуют население, привыкшее к колхозно-совхозной богадельне. Среди охотников за пригородной землей не только сильные агропредприятия. Земельные доли местных жителей активно скупаются банками и строительными фирмами за бесценок.

Помимо сельского хозяйства другие виды деятельности в пригородной зоне развиты слабо. Есть предприятия переработки леса, добычи песка и гравия, производства ювелирных изделий, есть магазины, кафе (редко) и совсем мало обслуживающих предприятий. До сервисной экономики даже такому продвинутому району, как пригородный, еще далеко.

Главная особенность пригорода - это сложившийся еще в советские годы симбиоз города и деревни. В районе 279 поселений, но две трети селян живет в 12 пунктах с числом жителей более тысячи человек и еще 14% - в 9 поселениях размером от 500 до 1000 человек. В таких селах наряду с частными стоят многоквартирные дома, правда окруженные теплицами с овощами и огородами. В связи с налоговыми льготами и преференциями в зарплате сельским бюджетникам многие поселки городского типа в начале 1990-х гг. преобразовались в сельские поселения. Например, приезжаешь в Каравеевский сельсовет и видишь типичный город с многоэтажными домами со всеми удобствами, в котором живут 8 тыс. человек и к тому же находится Сельскохозяйственная академия. Из 5 тысяч

трудоспособных жителей 3 тысячи работают в Костроме, еще более тысячи – в Академии (бюджетники). В других селах тоже встречаются многоэтажки и около половины населения ездит работать в город. Поэтому работников в сельском хозяйстве не хватает. Приходится привозить из соседних районов автобусами и приглашать молдаван.

Летом и без того многочисленное сельское население увеличивается вдвое. Это – дачники, в основном костромичи. Если сельские жители тяготеют в пригородах к крупным селам, то горожане – наоборот, к мелким и умирающим деревням или концентрируются в особых бесстатусных садоводческих поселениях. Все больше вокруг Костромы и коттеджных поселков. В начале 1990-х горожане расширили было и прежде активную сельскохозяйственную деятельность, но со второй половины десятилетия все более явно отходят от полунатурального хозяйства, предпочитая зарабатывать деньги в городе.

Раскольничий город и льняные утопии

Стоит переехать в соседний полупригородный Судиславский район, сразу бросается в глаза, что поля мельчают, скрываясь среди леса, многие из них заброшены. Распахивая прежде почти треть всей площади, агропроизводство к 2004 г. сократило свои посевы до 13% территории. Но заброшенные поля еще не заросли лесом и в основном покрыты разнотравьем, на котором иногда виднеется пасущийся скот.

Судиславль расположен всего в 35 км от Костромы. Уже в 1572 г. это был город - один из форпостов на северо-восточной границе Московского государства, спасающих населения от набегов казанских татар и их союзников черемисов. В 1646 г. в нем было 57 посадских дворов. Несколько десятилетий в 18 веке он даже выполнял функции уездного города. В начале 19 века в нем насчитывалось 1753 жителя, стояло 18 каменных домов, 49 торговых лавок, 3 кожевенных завода. Судиславль был одним из центров старообрядчества в России, и лишь при Николае 1 скит староверов с подземными ходами был разгромлен. Помимо этого Судиславль славился сушеными и солеными грибами.

Сейчас Судиславль с 5-ю тысячами жителей лишился городского статуса, хотя хочет его вернуть. Его городское прошлое видно в нескольких сохранившихся каменных зданиях, паре-тройке асфальтированных улиц, в памятнике Ленину на центральной площади рядом с высокой колокольней. Но подавляющая часть застройки – старые деревянные дома, без всяких удобств. В поселке нет даже магистрального газа. Возле каждого дома – огромные поленицы дров для отопления. В этом плане он в гораздо меньшей степени город, чем ныне сельский населенный пункт Караваево. И все-таки это старинный провинциальный город, только заснувший, похоже, вечным сном, так как не видно, что могло бы его разбудить.

Сами судиславцы смотрят на свое будущее более оптимистично, считая, что именно такие города-поселки могут стать опорой развития сельской местности, проблемы которой в

умирающих селах не решить. И действительно, система расселения резко отличается от Костромского района. Только 4 лесопромышленных поселка имеют более 500 жителей. Из оставшихся 168 сельских поселений реально жилых только треть, остальные либо не имеют постоянного населения, либо его не более 10 человек, в основном пенсионеров. Не все из них заброшены. Здесь в полупригороде сходятся зоны дачных интересов костромичей и москвичей, хотя последние предпочитают еще более удаленные и укромные места.

Местные управленцы будущее района связывают в основном с сельским и лесным хозяйством, которые тесно переплетены. Именно лес, продажа которого дает реальную прибыль, помогает, как и во многих северных регионах, покрыть убытки от сельского хозяйства даже агропредприятиям, т.к. сельский лесхоз предоставляет им бесплатно лимиты на рубку леса. Некоторые имеют и пилорамы. Более того, лес используется как стимул агропроизводства: лесхоз дополнительно предоставляет агропредприятиям 1,25 куб.м. леса на 1 га ярового сева и 1,5 куб.м. - на одну условную голову скота. Любопытный факт.

Результаты агропроизводства здесь превышают средние показатели по Костромской области, но заметно уступают пригороду. Например, надой от одной коровы под Костромой в 2004-2005 гг. превышал 4 тонны в год, в Судиславском районе составлял 3,2 тонны, а в области в среднем – 2,6 т. Несмотря на большую по сравнению с другими районами устойчивость агропроизводства, из крупных предприятий выживет в лучшем случае половина, да и то частично за счет получаемого бесплатно леса. Лесом здесь занимаются почти все, кроме дачников.

Но главные надежды в районе возлагают на иностранные инвестиции в сельское хозяйство и на возрождение костромского льна. Правда все предыдущие годы показали, что былая льняная слава Костромской области и всей России держалась до революции на избыточном сельском населении и ручном труде, а при социализме на больших дотациях. Но сельское население таяло, не помогали уже и дотации, посевные площади подо льном постепенно сокращались, сложная технология его выращивания при колхозном разгильдяйстве не выполнялась, волокно получалось грубым, не пригодным для ткачества и шло на нетканное полотно и льноватин. Знаменитые Костромские комбинаты и в советское время работали преимущественно на украинском и белорусском льне, а сейчас те цеха, что от них остались, используют то же белорусское, да еще бельгийское сырье. Но льняная ностальгия в Нечерноземье не умирает, несмотря на то, что мировой рынок завален китайским льном. И вот на фоне ожидания льняного чуда в область пришла швейцарская фирма Магрико, действующая через московских предпринимателей. Попытка купить местный льнозавод, акции которого принадлежат работникам, не удалась. Поэтому был куплен льнозавод в соседнем Островском районе. В Судиславском районе посеяли было 100

га льна на пробу, но поздно, так что получить волокно вряд ли удастся. Но зато скупка земельных паев населения в обоих районах идет полным ходом. В планах фирмы – приобрести минимум по 10 тысяч га в каждом районе. В некоторых хозяйствах, например, в СПК «Восход», где 2400 га пашни заросли травой и покрываются молодым лесом, скуплено 80% земельных паев (по 8-9 га) - 1000 рублей за гектар. При кадастровой стоимости сельскохозяйственных земель в 9-13 тыс.рублей за га, это практически даром.

При всех предполагаемых новейших технологиях опять, как и в провалившейся программе возрождения российского льна 1991 г., не учитывается главный лимитирующий фактор этой сельской провинции – население. Ведь в отличие от пригорода, в Судиславском районе осталось менее 40% сельского населения 1950 г., большая его часть пенсионеры. Ежегодно за счет миграций сельское население района уменьшается на 100-200 человек, примерно столько же «съедает» естественная убыль. Молодежь сразу после школы уезжает в Кострому. Единственный фактор, который удерживал молодых парней в деревне – отсрочка от армии – и тот в 2006 г. снят Думой. Это резко усилит отток в города. Неумение правильно оценить людские ресурсы всегда подводило наши власти. В Судиславском районе в удаленных селах мы впервые увидели новые многоэтажные современные, но абсолютно пустые заколоченные школы, построенные в конце 1980-х гг., когда там уже не было ни учеников, ни учителей.

Основная проблема в деревне – алкоголизм, пьют все, что попадется под руку, включая очиститель для стекол за 15 рублей, от которого гибнут. Найти надежных работников трудно. Поэтому если московские и иностранные инвесторы действительно хотят возрождать российский лен, то им нужно создавать совершенно иные технологии труда, вплоть до ведения сельского хозяйства вахтовым методом на основе очень небольшого, но надежного коллектива.

Есть в районе и весьма успешные предприятия, например, Зверосовхоз в поселке Дружба недалеко от Судиславля. Их в России осталось всего 40 из 160, да и из них прибыльны лишь единицы: дорогие корма и социальная сфера оказались в рыночных условиях тяжелыми гирями. Здесь удалось вовремя отказаться от социальной сферы. Контрольным пакетом акций владеют 7 человек из администрации зверосовхоза, 40% работников – мелкие акционеры, остальные – наемная рабочая сила. Главное – это норка (125 тысяч голов), но выращивают также лис, соболей, нутрии. Еще в советские годы успешному предприятию навязали убыточный совхоз, так что у них до сих пор еще и 900 голов крупного рогатого скота. Мясо, как и всюду убыточно, а молоко при высоких надоях оказывается весьма прибыльным, перекрывая мясные убытки. Так что от скота пока не

отказываются, хотя 90% прибыли идет от звероводства. Здесь же при совхозе – свой магазин с самыми дешевыми норковыми шубами.

Кроме пилорам и нескольких фермеров есть единичные случаи бизнеса на охоте. Егеря специально подкармливают зверей и создают приемлемые условия для ночевки горожан. Прочий бизнес представлен в районе преимущественно мелкой торговлей. Сервис в таком небольшом поселении, а тем более в деревне не прививается. Даже наоборот, попытки открыть, например, в деревне Шахово с населением в 260 человек кафе вызвали бурные протесты местных жителей против создания «притона». Так что напрочь забытая раскольничья мораль нет-нет да и проявится самым неожиданным образом.

Лесная глубинка

Начиная с Кадыйского района ландшафты резко меняются. Большую часть территории покрывают сосновые и березовые леса. Поселения тяготеют к крупным рекам: Унже и Ветлуге, меридионально пересекающим область. Чем дальше на восток, тем в большей степени основу жизни местного населения составляет лес.

Поселение на месте г. Макарьева возникло еще в 1439 г. рядом с Макарьево-Унженским монастырем. Он был в почете у царской семьи, которая даровала ему земли и деревни. Монастырь и сам скупал соседние селения, так что к 1660 г. имел более 800 крепостных крестьянских дворов. По указу Екатерины 11 на базе Подмонастырской слободы и ближайших деревень был основан уездный город Макарьев-на-Унже. В середине XIX века в нем было почти 4 тысячи жителей, табачная фабрика, мыльный, свечной и два кожевенных завода, духовное училище, два трактира и три питейных дома. Ежегодно в нем проходила ярмарка.

Центр современного Макарьева (7,5 тыс. жителей) - это круглая площадь с несколькими обветшалыми каменными домами, полуразрушенной церковью из красного кирпича и парком на месте бывших торговых рядов. Монастырь, который активно восстанавливается, теперь оказался почти в центре города на высоком берегу реки. Он приобретает все большую известность и привлекает Полонников. Весь остальной город похож на Судиславль – те же деревянные дома с поленицами дров, незамощенные улицы. Водопроводом обеспечено лишь 30% домов. Газ будет не раньше, чем через 10 лет. И все-таки Макарьев, если так можно выразиться, в большей степени город, чем Судиславль. Это видно не только по остаткам былого богатства в архитектуре каменных домов, но и во многих современных приметах. Здесь, в отличие от Судиславля, уже есть где остановиться – деревянная контора бывшего советского леспромхоза была куплена местной семьей и переоборудована в уютную гостиницу с полудомашним сервисом. Здесь гораздо чаще попадаются магазины, преимущественно крошечные продуктовые, но некоторые почти не

отличимы от крупногорских в т.ч. и по набору товаров вплоть до компьютеров. Значит, кто-то их покупает. Есть и кафе, очень дешевое, но с приличной едой. И все-таки то же, что и в Судиславле, ощущение глубокого сна, в который погружен город, не покидает. Ведь ему даже труднее, чем Судиславлю, там хоть Кострома недалеко. А отсюда до любого большого города – сотни километров. Нет даже хорошей дороги в Нижний Новгород, оставшиеся 4 км никак не достроят. Как же выживает крошечный городок посреди тайги?

По словам местного руководства государство существует где-то там в Москве. До них ни один национальный проект не доходит. Из 15 агропредприятий реально работают только 5, да и те убыточны. Два частных леспромхоза, возникшие на месте социалистического гиганта, тоже убыточны, один из них проходит процедуру банкротства. Леса много, но до него большую часть года не добраться, так как Унжа разрезает район пополам, а моста нет, только паромная переправа. Ощущение апатии у населения возникает сразу, многие говорят: «Нет хороших хозяев, бесполезный труд, нет отдачи», хотя зарплаты предприятия стараются выплачивать, частично за счет налогов. Поэтому их долги растут. А население бежит. Отход населения в Москву на 2-3 месяца тоже стал обычным явлением.

Но и здесь появляются точки роста. Самые массовые связаны с лесом. В районе и городе около 80 частных пилорам, на каждой занято от 3 до 10 человек, и зарплата там неплохая до 7 тысяч рублей (хотя вся она в конвертах, ни налогов, ни стажа). Есть и свой деревообрабатывающий завод (ДОЗ). Его история весьма типична для такого района. Возникнув в 1970-х гг. как механический завод, чтобы занять людей, он худо-бедно проработал до начала 1990-х и, естественно, встал, поскольку его продукция оказалась никому не нужна. Его пытались поднять муниципальными силами, организовав производство спирта и водки, но и из этого ничего не вышло. И только в 2004 г. его выкупила московская фирма АКВАЛЕСГрупп и, вложив более 40 млн рублей, наладила в пустующих помещениях лесопиление и производство деревянных деталей с покрытием из шпона. Работников около 100 человек, но в планах расширение до 300, хотя и здесь главная проблема – это кадры. Пока предприятие все еще на дотации московского холдинга, но при расширении объемов производства выйдет на самоокупаемость.

Здесь уже нет иллюзий насчет льна. Помещение полуразрушенного льнозавода выкупили частники и создали гораздо более уместное в этих краях предприятие – «Царь Берендей», производящее маринованные грибы, варенья и замороженные ягоды. На нем постоянно работает 40 человек, в сезон заготовок число занятых увеличивается до 100. Плюс сборщики грибов и ягод у населения по договорам с предприятием – почти во всех селах, где это население еще сохранилось. Чернику, бруснику, клюкву в прошлый сезон брали по 45-50 руб за кг, заготовили почти 300 тонн, да 40 тонн грибов. Только на сборе даров леса одна

семья может заработать от 500 до 1000 рублей в день. Но тех, кто видит в этом серьезный заработок, немного. Обычно ягоды сдают на «бутылку». Приходится расширять сырьевую базу за счет других районов и даже регионов.

Лесопромышленные локомотивы

Чем дальше на восток, тем моложе, но крупнее города, выросшие на лесной промышленности. Города Мантурово и Шарья - соответственно 19 и 38 тысяч - возникли на железной дороге в начале XX века. Но они имеют более высокий статус городов областного подчинения, т.е. у них свой бюджет и свои интересы, порой входящие в противоречия с интересами одноименных районов.

Мантурово тоже стоит на Унже всего в 70 км к северу от Макарьева. Но это уже другой мир. И дело не только в численности населения, ведь Мантурово тоже малый город. Но железная дорога дает много преимуществ, здесь есть мост через реку, и вся жизнь намного активнее. В городе почти нет следов запустения и безвыходности, так бросающихся в глаза в Судиславле и Макарьево. Здесь тоже преобладает деревянная частная застройка, но есть и старые многоквартирные бревенчатые дома, есть новые районы с блочными многоэтажками, хотя и окруженные теплицами и огородами. Новый район возник в советское время вокруг биохимического завода, построенного в водоохранной зоне Унжи и закрытого по требованию «зеленых». На его развалинах, видимых издали и напоминающих документальные фильмы об ужасах войны, работают две небольшие фирмы. Но главное, то тут, то там, видны новые точки роста. Это и новые магазины и кафе, и новые шикарные офисы, например Казначейства, и даже отдельные частные особняки. В центре города сохранилась старая двухэтажная гостиница, стандартного провинциального типа. А на окраине возле промплощадки бывшего биохимзавода построен частный пятизвездочный отель с соответствующими заоблачными ценами.

Мантурово всегда был центром лесопиления. Основное современное предприятие – Мантуровский фанерный комбинат, наследник дореволюционного фанерно-лесопильного завода. Он стимулирует заготовки лиственной древесины (использует березу). 70% фанеры идет на экспорт, тут же – мантуровский таможенный пост. Это яркий пример проникновения новых отношений в самую глубокую провинцию. Правда, пока главный человек на комбинате - кризисный менеджер, пришедший в 2005 г. Почему же столь востребованное и поставщиками и потребителями предприятие оказалось в кризисе? В начале 1990-х гг. Мантуровский комбинат был вполне дееспособен. Но, как и многие предприятия, он постепенно оброс множеством дочерних фирм, живших за счет завода. Сырье у них покупали по завышенным ценам. На самом фанерном долги росли, и уже начали говорить о банкротстве. Тогда и перепродали его новым хозяевам, которые наняли кризисного

управляющего. Это молодой человек лет 30-ти, кочующий с предприятия на предприятие. Профиль и даже страна не имеют значения, до этого бы алюминиевый завод на Украине, потом – Псковский мясокомбинат, теперь – фанерный. Это профессионал высокого класса из нового поколения, очень жесткий и целеустремленный. Первым делом он избавился от лишних структур и наладил прямые связи с лесозаготовителями без посредников. Реформа опасная, поэтому без телохранителя ни шагу. Более того, крупным заготовителям - наследникам советских леспромхозов он предпочитает частных – так надежней и дешевле. Зато долги постепенно убавляются, а производство восстанавливается. Из 45 фанерных заводов России этот вышел на 4-е место. Он - основной промышленный налогоплательщик в городе. На комбинате сейчас работает 1600 человек, для российских условий оптимально 1100 (так что предстоит еще одна жесткая акция). В Финляндии на комбинате такой же мощности работает 700 человек, в Японии – 150. Помимо фанерного есть в городе и другие предприятия: бывший трактороремонтный завод переквалифицировался на ремонт лесозаготовительной техники, есть мясокомбинат, который тоже купили и подняли москвичи, а учредители маслосырзавода – бывшие военные из местных, хлебозавод и несколько пекарен. И целых три предприятия производят минеральную воду («Царская вода», «Костромская снегурочка», «Мантуровская») – видимо у северян какая-то особая жажда.

Еще более мощные предприятия – в Шарье, что в 80 км далее на восток. Главное – это КронаСтар – созданный в 2002 г. на швейцарские деньги на базе завода «Шарьядрев». Впрочем, новые собственники использовали только площадку и инфраструктуру, воздвигнув на краю города у леса новый с иголки сверкающий переплетающимися трубами ультрасовременный гигант. Он поглощает любую древесину, производя древесно-стружечные и древесно-волоконистые плиты, полы, стеновые панели и т.п. Сейчас на нем работает 1,5 тысячи человек с весьма приличной зарплатой более 10 тыс.рублей. На проектную мощность он планирует выйти в 2009 г.

Приход иностранных инвестиций дал мощный толчок развитию не только Шарьи и района, но и соседей. Помимо создания собственных рабочих мест, завод оживил местную стройиндустрию, дав работу еще 400 человек. Специально для него в Мантурове была восстановлена подстанция и построена ЛЭП в Шарью. Отремонтированы и построены дороги. Не говоря уже о мощном стимуле для лесозаготовительного комплекса: перед заводом всегда стоит длинная очередь грузовиков с лесом. И хотя он по условиям договора почти освобожден от налогов до выхода на проектную мощность, его вклад в развитие города ощутим: он участвует в доле по подводу к Шарье газа, помогает школам, больницам и т.п. Помимо КронаСтара есть в городе обязательный набор пищевой индустрии

(мясокомбинат, «Шарья-молоко»), в основном купленной москвичами, и своя Шарьинская минеральная вода.

В отличие от мелких городков, население здесь гораздо активнее, множество индивидуальных предпринимателей, которые в общей сложности дают работу более, чем 4 тысяч человек. Да и сам город резко отличается даже от Мантурово. Первое, что поражает приезжего человека – это отремонтированная шикарная многоэтажная гостиница «Шарья» с рестораном и недешевыми номерами. Здесь же строится новый современный рынок. Напротив – огромный торговый комплекс. Много кафе, на центральных улицах людно. Город живет, город активен. Если в 1990-х гг. население отсюда уезжало, то сейчас миграционный приток на 1000 жителей в два раза выше, чем в Костроме. Хотя стоит отойти несколько шагов и попадаешь в тихие тенистые улочки с частными деревянными домами. Но город уже не обойти пешком, как Судиславль или Макарьев, а такси стоит, как в Костроме, 50 рублей в любой конец.

Сельское хозяйство свертывается в любом виде. Некоторые территории представляют собой наглядный пример полного экономического коллапса как общественного, так и индивидуального сектора сельского хозяйства. Без помощи колхоза гибнет и подворье, коллапс которого усиливается демографической и алкогольной деградацией населения. Скот у населения, еще в середине 1990-х составлявший внушительные стада в центрах сельсоветов, быстро сокращается.

В Управлениях сельского хозяйства Макарьевского, Мантуровского и Шарьинского районов обычно называли три-четыре предприятия с лучшими показателями, имеющие шансы возродиться. По два предприятия и в Мантуровском, и в Шарьинском районах закрыли долги и получили кредиты в рамках сельскохозяйственного национального проекта. Главный лимитирующий фактор – это человеческий капитал. Молодежь стремится в город, прежде всего в Кострому, как бы тяжело там ни было. Последние крохи, в т.ч. и от личного хозяйства, уходят на их содержание там в период обучения. Многие трудоспособные жители, хотя и числятся в деревне, работают, а часто и живут в Мантурове, Шарье, Костроме и даже в Москве. В деревне преобладает население старше 40-50 лет. Рождаемость почти нулевая, а смертность высока. С ростом пенсий все больше тунеядцев, пропивающих деньги своих матерей. На работающие предприятия приходится приглашать молдаван и узбеков, тогда как в селах десятки незарегистрированных безработных. По словам работников сельсоветов, если человек не работает полгода-год, он, как работник, становится почти безнадежен.

Здесь на периферии даже лес не очень помогает населению и бывшим колхозам, так как и с ним надо работать. Пилорам на агропредприятиях почти нет, организовать даже 5

человек без их запоев, по словам местных руководителей, не возможно. А само сельское население за рубку леса по лесным билетам берется крайне редко.

Фермеров в костромской глубинке крайне мало, однако отдельные энтузиасты, расширившие личное хозяйство до товарного, попадаются. Их немного – по 10-15 человек в районе, но это все же мелкие локальные очажки роста. В большинстве случаев это приезжие из Средней Азии или из восточных районов России. Земли здесь вдоволь, а пройти бюрократические барьеры для получения регистрации или гражданства бывает очень сложно. Некоторые годами живут без российского гражданства. В число пилотных проектов по привлечению мигрантов Костромская область не попала. Приезжие арендуют или покупают полуразвалившиеся избы. Никакие кредиты им не положены, а именно им они нужнее всего, так как приезжают люди работающие с идеями, удивляющиеся богатству, которое не использует местное население.

* * *

Итак, провинция очень разная: от порой безнадежной до весьма активной. И география здесь очень важна: расстояние от крупного города, размер поселения, его транспортная доступность, природные ресурсы, тип ландшафта – все имеет значение, определяя экономический и даже человеческий потенциал. И нам придется смириться с географией (не впадая в географический детерминизм), так как и при социалистической богадельне, и в новых беспощадных условиях борьба с ней была бесполезна. В России были и останутся медвежьи углы, и значительная часть Костромской области – один из таких углов. При наших пространствах и редкой сети городов – это нормально. Ненормальной была распашка в таких районах огромных территорий и выращивание на севере золотых зерновых на огромных дотациях. Сельское население убывает, и деревни исчезают во всем мире по мере развития урбанизации. И это нормально. Не нормально то, что неповоротливые колхозы не могли приспособиться к новым реалиям, как это было, например, в Европе, где производительность труда в сельском хозяйстве по мере перетока сельского населения в города росла быстрее, чем в промышленности, менялись технологии и активно сокращались посевные площади. Теперь сельское хозяйство в районах со сложными природными условиями рухнуло в одночасье, а длительный миграционный отток из села тех, кто что-то хотел в жизни, привел, к так называемому отрицательному отбору населения. Поэтому бессмысленно обвинять реформы 1990-х, они лишь высветили и усилили накопившиеся пороки сельского Нечерноземья.

Посевные площади в периферийных районах сократились в 7-10 раз. Сжатие освоенного пространства здесь неизбежно. Со временем в таких районах сохранятся лишь

предприятия, купленные местным агропромом или московскими холдингами, в основном для экстенсивного скотоводства и травосеяния. Однако для них потребуются новые подходы и технологии вплоть до вахтового метода обработки земли и смены стойлового на отгонно-пастбищное животноводство. Иное дело – пригороды и, отчасти, полупригороды, особенно к югу от Костромы. Здесь тоже выживут не все предприятия, но сельское хозяйство будет жить. На остальной территории возможны скорее всего отдельные очаги, будь то остатки колхоза, мигранты, фермеры.

Уже в ближайшие годы на большей части костромской периферии местное население останется только в редких поселениях – центрах сельсоветов, да и они будут быстро уменьшаться. Число деревень, в которых уже не осталось местных жителей, увеличится. Но дело не только в сельском хозяйстве, и даже не в местном населении. Можно ли спасти хотя бы часть освоенной и отвоеванной у леса территории? В этом плане дачники выполняют неоценимую роль, сохраняя и восстанавливая отдельные дома и целые улицы. Но гораздо важнее наличие родственников (детей) в городах и их приезды в деревню. Именно они становятся тем связующим звеном, которое реально интегрирует город и деревню. Вместе с пришлыми москвичами и мигрантами они могут сохранить отдельные освоенные очаги. На большее в северной нечерноземной деревне рассчитывать не приходится. Но это вовсе не означает умирания российской деревни в целом. Южные села – крупнее, общественное и личное сельское хозяйство там устойчивее, по мере выхода из кризиса и адаптации к новым условиям в черноземное, северо-кавказское, поволжское и даже сибирское сельское хозяйство приходят инвестиции, меняющие порой специализацию хозяйства. Но это уже другая тема.

Выживание городов в северном Нечерноземье связано с лесопереработкой. Их размер и местоположение тоже важны. Больше шансов привлечь инвестиции имеют города, уже имеющие некоторый экономический и человеческий потенциал. Именно лес может стать основой сохранения очагов освоенности и повышения благосостояния. Но освоение лесных ресурсов потребует иных подходов, возможно вахтового метода рубок леса на базе некоторых опорных городов. Несмотря на длительное использование лесов, ресурсы в области есть, хотя не все транспортно доступны. Тем более, что местные предприятия готовы использовать любую древесину. Зарастающие поля тоже перейдут со временем в категорию лесных ресурсов. Инвестиции в лесопереработку, в т.ч. иностранные, как показывает опыт, дают стимулы развития не только этой отрасли, но и городов в целом. Это явные очаги активности и формирования принципиально новых отношений в провинции. Но инвестиции, в том числе связанные с инновационным развитием, приводят к усилению поляризации городов, как и сельской местности.